

ОЦЕНКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ КАК КРИТЕРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И СТРАН ЕАЭС

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14

УДК 338

Цветков Валерий Анатольевич

*директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Зоидов Кобилжон Ходжиевич

*заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН,
кандидат физико-математических наук, доцент
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

Янкаускас Константинас Стасисович

*научный сотрудник Института проблем рынка РАН
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Кобил Шабнами

*научный сотрудник Института проблем рынка РАН
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Исследование направлено на изучение методических подходов к оценке уровня бедности как социального показателя экономической безопасности российских регионов и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Цель. Проанализировать уровень бедности в российских регионах и в соотношении с динамикой показателей неравенства.

Задачи. Рассмотреть проблемы формирования комплексного подхода к оценке уровня бедности в России с целью последующей разработки мер государственной политики, позволяющих добиться его радикального снижения. Провести анализ динамики показателя уровня бедности в странах ЕАЭС, выявив особенности данного явления в государствах, находящих в наибольшей степени экономической интеграции с Россией.

Методология. В ходе исследования применены методы системного анализа, эконометрического анализа, эволюционно-институциональной теории и исторического подхода.

Результаты. Анализ показателя абсолютной бедности в регионах выявил существенную дифференциацию между ними по доле граждан, имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние двенадцать лет, но динамика этого показателя носит разнонаправленный характер.

Выводы. Нередко в регионах Российской Федерации (РФ), имеющих более низкий показатель абсолютной бедности, наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. В государствах ЕАЭС используются разные методики расчета уровня бедности. В перспективе представляется целесообразным унифицировать методику расчета уровня бедности в странах ЕАЭС, создать единый стандарт расчета данного показателя и выработать совместные комплексные меры по его снижению в государствах — членах ЕАЭС.

Ключевые слова: оценка уровня бедности, критерий социальной составляющей, российские регионы, страны ЕАЭС, бедность, неравенство, дифференциация доходов населения, прожиточный минимум, экономическая безопасность.

Для цитирования: Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. Оценка уровня бедности как критерия социальной составляющей экономической безопасности российских регионов и стран ЕАЭС // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 4–14. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-310-00298 мол_а).

POVERTY ASSESSMENT AS A SOCIAL CRITERION OF ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN REGIONS AND EAEU COUNTRIES

Valeriy A. Tsvetkov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobilzhon Kh. Zoidov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

Konstantinas S. Yankauskas

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobil Shabnami

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

The presented study examines methodological approaches to poverty assessment as a social indicator of economic security of Russian regions and countries of the Eurasian Economic Union (EAEU).

Aim. The study aims to analyze the level of poverty in Russian regions, including in relation to the dynamics of inequality indicators.

Tasks. The authors address the problems of developing a comprehensive approach to poverty assessment in Russia with a view to further develop public policy measures that would allow for a radical reduction in poverty and analyze the dynamics of the poverty level indicator in the EAEU countries, determining the distinctive features of this phenomenon in the countries that are most economically integrated with Russia.

Methods. This study uses the methods of systems analysis, econometric analysis, evolutionary-institutional theory, and historical approach.

Results. Analysis of the absolute poverty indicator in regions shows a significant disparity between regions in terms of the proportion of citizens with incomes below the absolute poverty line. In all EAEU countries, the level of poverty decreased over the past 12 years, but the dynamics of this indicator is diverging.

Conclusions. It is not uncommon for the regions of the Russian Federation with lower absolute poverty to have a higher Gini coefficient. EAEU countries use different methods for calculating the poverty level. Looking ahead, it seems appropriate to standardize the methodology for calculating poverty levels in EAEU countries, introduce a uniform standard for calculating this indicator, and develop joint comprehensive measures aimed at reducing poverty in EAEU member states.

Keywords: *poverty assessment, social criterion, Russian regions, EAEU countries, poverty, inequality, income disparity, subsistence level, economic security.*

For citation: Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S., Kobil Sh. Otsenka urovnya bednosti kak kriteriya sotsial'noy sostavlyayushchey ekonomicheskoy bezopasnosti rossiyskikh regionov i stran EAES [Poverty Assessment as a Social Criterion of Economic Security of Russian Regions and EAEU Countries]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 4–14 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14.

Acknowledgements: The study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-310-00298 mol_a).

Введение

Существующая в России методика оценки уровня бедности не позволяет в полной мере оценить масштаб и структуру этого явления [1]. Очевидна угроза формального выполнения указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части снижения уровня бедности в два раза к 2024 г. [2]. Сопутствующая проблема — несбалансированность потребительской корзины, на базе которой рассчитывается размер прожиточного минимума,

являющийся основой для определения числа граждан РФ, находящихся за чертой бедности. В настоящее время структура потребительской корзины не учитывает рекомендации по рациональным нормам питания Министерства здравоохранения РФ [3], а также рекомендации экспертов Всемирной организации здравоохранения [4], что не только может исказить показатель реального уровня бедности, но и создает угрозу роста уровня смертности [1].

Для формирования комплексного подхода к оценке уровня бедности в России с целью последующей разработки мер государственной политики, позволяющих добиться радикаль-

Распределение общего объема денежных средств и характеристики дифференциации дохода граждан в России в 1990–2017 гг. [5]

Год	Доход, всего ¹	В том числе по 20-процентным группам населения, %					Децильный коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
		первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7	...	...
1995	100	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	0,387
1996	100	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4	13,3	0,387
1997	100	5,9	10,5	15,3	22,2	46,1	13,6	0,390
1998	100	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9	13,8	0,394
1999	100	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6	14,1	0,400
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	13,9	0,395
2001	100	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	13,9	0,397
2002	100	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8	14,0	0,397
2003	100	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2	14,5	0,403
2004	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
2005	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
2006	100	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	15,9	0,415
2007	100	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	16,7	0,422
2008	100	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	16,6	0,421
2009	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	0,421
2010	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	0,421
2011	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,2	0,417
2012	100	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,4	0,420
2013	100	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,3	0,419
2014	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,0	0,416
2015	100	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,7	0,413
2016	100	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0	15,5	0,412
2017	100	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	15,3	0,410

ного снижения уровня бедности и выполнения требований указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204, целесообразно проанализировать динамику этого показателя в российских регионах и в соотношении с динамикой показателей неравенства, а также динамику показателя уровня бедности в странах ЕАЭС. Кроме того, важно выявить особенности данного явления в странах, находящихся в наибольшей степени экономической интеграции с Россией.

Сравнительный анализ динамики показателей бедности и дифференциации доходов населения в России

Помимо проведенного сравнительного анализа циклической динамики показателей абсолютной и относительной бедности в России [1] предлагаем изучить и другую группу показателей, связанных с дифференциацией доходов населения. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) рассчитывает следующие показатели неравенства доходов граждан:

- *распределение общего объема денежных доходов населения по 20-процентным группам населения;*
  - *Децильный коэффициент фондов* — показатель, который характеризует, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10 % населения с самыми низкими доходами;
  - *коэффициент Джини* — количественный показатель, показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов, разработанный итальянским ученым-экономистом Коррадо Джини.
- Динамика перечисленных показателей в России показана в таблице 1. Как видно из таблицы 1, с 1990 по 1995 г. произошло заметное перераспределение доходов между первой–четвертой и пятой 20-процентными группами. В итоге в 1995 г. на долю 20 % самых богатых граждан приходилось 46,3 % совокупных доходов — на 13,6 % больше, чем пятью годами ранее. Вместе с тем доходы наименее богатых 20 % граждан сократились за

¹ 1970–1990 гг. — совокупный доход (с учетом стоимости чистой продукции личных подсобных хозяйств населения).

это время на 3,7 %, доходы второй–четвертой 20-процентных групп также снизились в диапазоне от 2,2 до 4,1 %. На протяжении последующих 22 лет структура распределения доходов оставалась практически неизменной, за исключением незначительного снижения доли доходов первой–второй групп (на 0,7 % каждая) и увеличения на 0,5–1 % доли доходов четвертой–пятой групп.

Заметен и рост показателей децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини, который происходил с 2001 по 2007 г. За этот период коэффициент фондов увеличился с 13,9 до 16,7 раз, а коэффициент Джини — с 0,397 до 0,422. Согласно сведениям, содержащимся в таблице 1, уровень абсолютной бедности за эти годы сократился с 27,5 до 13,3 % населения. Сопоставление динамики показателей дифференциации доходов и абсолютной бедности позволяет сделать вывод о том, что в 2001–2007 гг. доходы более обеспеченных групп населения росли более высокими темпами, чем доходы малообеспеченных граждан.

Росстатом в указанный период не осуществлялся расчет показателя относительной бедности, но можно предположить, что он увеличивался, как и децильный коэффициент и коэффициент Джини.

С 2008 по 2017 г. произошло некоторое снижение обоих коэффициентов: децильный сократился с 16,7 до 15,3 раз, а коэффициент Джини уменьшился с 0,422 в 2008 г. до 0,410 в 2017 г.

Сравнительный анализ динамики показателей абсолютной бедности и дифференциации доходов населения (в регионах России)

Кроме выявленной нами существенной дифференциации доходов населения России в масштабах страны наблюдается существенная дифференциация этих показателей между регионами (субъектами) РФ. Сопоставление показателей абсолютной бедности и дифференциации доходов представлено в таблице 2.

Таблица 2

Уровень абсолютной бедности и коэффициент Джини в России в целом и в субъектах РФ в 2017 г. [5]

Субъект РФ	Уровень абсолютной бедности, % ¹	Коэффициент Джини
Республика Тыва	40,5	0,358
Республика Ингушетия	32	0,357
Республика Калмыкия	27,3	0,326
Республика Алтай	25,8	0,36
Еврейская авт. область	24,9	0,347
Кабардино-Балкарская Республика	24,8	0,351
Карачаево-Черкесская Республика	24,7	0,351
Республика Марий Эл	22,1	0,365
Забайкальский край	21,5	0,373
Чеченская Республика	20,7	0,383
Республика Саха (Якутия)	20,3	0,397
Курганская область	19,6	0,36
Республика Крым	19,1	0,343
Республика Мордовия	18,6	0,357
Чувашская Республика	18,5	0,337
Красноярский край	18,5	0,391
Иркутская область	18,4	0,358
Республика Бурятия	18,1	0,398
Республика Хакасия	18	0,362
Псковская область	17,9	0,349
Алтайский край	17,5	0,378
Камчатский край	17,5	0,344
Республика Карелия	17,3	0,335
Томская область	17,1	0,354
Республика Коми	16,8	0,382
Саратовская область	16,8	0,356
Смоленская область	16,6	0,382
Новосибирская область	16,5	0,36
Астраханская область	16	0,362
Амурская область	15,9	0,396

¹ Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения субъекта РФ.

Субъект РФ	Уровень абсолютной бедности, %	Коэффициент Джини
Кировская область	15,7	0,342
Кемеровская область	15,3	0,352
Тюменская область	15	0,388
Пермский край	14,9	0,403
Ульяновская область	14,9	0,36
Оренбургская область	14,6	0,379
Приморский край	14,5	0,38
Волгоградская область	14,4	0,342
Республика Северная Осетия - Алания	14,4	0,363
Ивановская область	14,3	0,362
Новгородская область	14,1	0,359
Пензенская область	14	0,356
Орловская область	13,9	0,368
Ростовская область	13,9	0,394
г. Севастополь	13,9	0,35
Омская область	13,9	0,392
Калининградская область	13,8	0,358
Ставропольский край	13,8	0,381
Вологодская область	13,6	0,354
Брянская область	13,5	0,381
Архангельская область	13,5	0,375
Республика Адыгея	13,5	0,381
Челябинская область	13,5	0,351
Самарская область	13,4	0,379
Россия в целом	13,2	0,41
Владимирская область	13	0,352
Костромская область	13	0,358
Рязанская область	13	0,371
Тверская область	12,7	0,335
Мурманская область	12,6	0,357
Республика Башкортостан	12,3	0,416
Хабаровский край	12,3	0,384
Удмуртская Республика	12,2	0,366
Магаданская область	11,6	0,384
Ненецкий авт. округ	11,4	0,413
Краснодарский край	11,1	0,404
Ханты-Мансийский авт. округ	11,1	0,388
Республика Дагестан	11	0,389
Тамбовская область	10,5	0,379
Ярославская область	10,5	0,372
Калужская область	10,4	0,364
Ленинградская область	10,3	0,369
Курская область	10,2	0,374
Тульская область	9,9	0,368
Нижегородская область	9,9	0,398
Свердловская область	9,8	0,405
Сахалинская область	9,8	0,41
Воронежская область	9,1	0,399
Чукотский авт. округ	9	0,398
Липецкая область	8,8	0,389
г. Москва	8,3	0,417
Белгородская область	7,9	0,393
Московская область	7,9	0,388
г. Санкт-Петербург	7,5	0,407
Республика Татарстан	7,4	0,395
Ямало-Ненецкий авт. округ	6,5	0,423

Динамика численности населения Армении, находящегося за чертой бедности в 2004–2017 гг. [9]

Год	Доля граждан, находящихся за чертой бедности, % от общей численности населения	Численность граждан, находящихся за чертой бедности, % от общей численности населения, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2004	53,5	1 697,6
2005	40,1	1 265,6
2006	30,2	947,1
2007	26,4	822,9
2008	27,6	854,8
2009	34,1	1 048,9
2010	35,8	1 093,7
2011	35,0	1 056,3
2012	32,4	978,8
2013	32,0	968,3
2014	30,0	905,1
2015	29,8	897,0
2016	29,4	881,4
2017	25,7	767,4

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, очевидна дифференциация между несколькими регионами по доле граждан, имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Разница между Республикой Тува, где наибольшая доля жителей, находящихся за чертой абсолютной бедности (40,5 % населения), и Ямало-Ненецким автономным округом (6,5 % населения) составляет более шести раз. В 54 субъектах РФ уровень относительной бедности выше, чем в России в целом (т. е. больше 13,2 %), в том числе практически во всех республиках Северо-Кавказского федерального округа этот показатель превышает общероссийский более чем в полтора — два раза. В 31 субъекте РФ уровень абсолютной бедности ниже в сравнении с общероссийским. В частности в Москве, Московской и Белгородской областях, Санкт-Петербурге, Татарстане и Ямало-Ненецком автономном округе соответствующий показатель ниже общероссийского почти в полтора — два раза. Во-вторых, нередко в регионах с более низким показателем абсолютной бедности наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. Так, в первых десяти субъектах с наиболее высоким уровнем абсолютной бедности, как указано в таблице 2, значение коэффициента Джини находится в диапазоне от 0,326 до 0,383, что ниже показателя в России в целом, который составляет 0,410. В десяти регионах с самым низким уровнем абсолютной бедности коэффициент Джини находится в интервале от 0,388 до 0,423, в том числе в Москве и Ямало-Ненецком автономном округе он достигает 0,417 и 0,423 соответственно, что выше общероссийского показателя. В Сахалинской области коэффициент Джини соответствует общероссийскому показателю в 0,410. Таким

образом, для регионов необходим разный тип политики по борьбе с бедностью, учитывающий для одних необходимость снижения уровня абсолютной бедности, а для других — сглаживание уровня дифференциации доходов.

Сравнительный анализ динамики показателя уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС

Статья 4 Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривает обеспечение свободы передвижения рабочей силы внутри союза [6]. Уровень бедности в государствах — членах ЕАЭС является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на передвижение рабочей силы между странами, входящими в союз [7]. Поэтому представляется целесообразным проанализировать динамику данного показателя в странах ЕАЭС, выявить особенности методик его расчета и провести межстрановое сопоставление динамики уровня бедности.

Так, в Армении уровень бедности рассчитывается на базе данных Интегрированного исследования условий жизни (Integrated Living Conditions Survey), при этом ежегодно обследуется 7 872 домашних хозяйств в стране [8]. Результаты исследования используются для расчета порога бедности, основанного на уровне потребления домашних хозяйств. Обновленная методика расчета уровня бедности действует с 2009 г. В таблице 3 представлена динамика уровня бедности в Армении в 2004–2017 гг. С учетом относительных данных произведены расчеты и определена оценочная численность граждан, имеющих доходы с уровнем населения, находящегося за чертой бедности.

Как видно из таблицы 3, численность граждан с доходами ниже уровня бедности в Ар-

Динамика численности малообеспеченного населения в Белоруссии в 2005–2018 гг. [11]

Год	Уровень малообеспеченности населения, % от общей численности граждан	Численность малообеспеченного населения, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2005	12,7	1 231,6
2006	11,1	1 069,0
2007	7,7	737,6
2008	6,1	582,1
2009	5,4	513,7
2010	5,2	494,0
2011	7,3	692,1
2012	6,3	596,3
2013	5,5	520,5
2014	4,8	454,5
2015	5,1	483,5
2016	5,7	541,4
2017	5,9	560,8
2018	5,6	531,5

мении последовательно снижалась с 2004 по 2007 г., сократившись приблизительно вдвое (с 53,5 % до 26,4 %). В 2008–2010 гг. этот показатель возрос до 35,8 %, что объясняется последствиями мирового финансово-экономического кризиса. С 2011 г. наблюдается последовательное снижение числа жителей, находящихся за чертой бедности. К 2017 г. соответствующий показатель достиг отметки 25,7 % (около 767 тыс. человек).

В Белоруссии уровень бедности рассчитывается как численность «малообеспеченного населения», т. е. населения (домашние хозяйства), имеющего среднедушевые располагаемые ресурсы (доходы) ниже черты малообеспеченности [10]. Уровень бедности, в отличие от Армении, определяется по размеру дохода, а не размеру потребления. В таблице 4 представлена динамика уровня малообеспеченности населения Белоруссии в 2005–2018 гг., а также рассчитан показатель примерной численности малообеспеченных граждан.

Приведенные в таблице 4 данные свидетельствуют о том, что в 2005–2010 гг. уровень малообеспеченности в Белоруссии снизился более чем вдвое — с 12,7 % до 5,2 %. В 2011 г. этот показатель возрос до 7,3 %, а в 2012–2014 гг. снова снизился до 4,8 %, в 2015–2017 гг. увеличился примерно на 1 %. В абсолютных цифрах численность малообеспеченного населения в Белоруссии в исследуемый период достигала максимума в 2015 г. — примерно 1,2 млн человек. В настоящее время — 531,5 тыс. человек.

В Казахстане, как и в Белоруссии, уровень бедности рассчитывается в зависимости от размера доходов граждан. Чертой бедности является величина прожиточного минимума. С 2006 г. в республике действует новая методика его расчета, согласно которой про-

житочный минимум определяется по 43 наименованиям продуктов питания. С 2018 г. изменена структура прожиточного минимума в отношении формирования доли расходов на непродовольственные товары и услуги, установленная в размере 45 % к стоимости минимальной потребительской корзины [12]. В таблице 5 даны показатели о доле населения Казахстана с доходами ниже уровня бедности, а также рассчитанная на основе этих сведений численность находящегося за чертой бедности населения в абсолютном выражении.

Сведения, указанные в таблице 5, говорят о том, что доля населения Казахстана с доходами ниже прожиточного минимума снизилась с 46,7 % в 2001 г. до 2,6 % в 2016–2017 гг. В абсолютном выражении количество бедных уменьшилось приблизительно с семи миллионов в 2001 г. до 465,9 тыс. человек в 2017 г.; в 2018 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась до 4,3 % (780,8 тыс. человек).

Уровень бедности в Кыргызстане устанавливается с 1996 г. при методологическом и финансовом содействии Всемирного банка посредством выборочного обследования домашних хозяйств. Показатели бедности определяются в зависимости от черты бедности, рассчитанной с участием экспертов Всемирного банка, величина которой представляет собой минимальный уровень потребления с учетом как продовольственных, так и непродовольственных товаров и услуг [13]. В таблице 6 представлены данные о динамике численности населения Кыргызстана с доходами ниже черты бедности в 1996–2018 гг.

Судя по информации, которая находит отражение в таблице 6, уровень бедности в Кыргызстане увеличивался с 1997 по 2000 г., составляя на пике 62,6 % населения (чуть бо-

Динамика численности населения Казахстана, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности) в 2001–2018 гг. [12]

Год	Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности), % от общей численности граждан	Численность населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности), % от общей численности граждан, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2001	46,7	6 942,2
2002	44,5	6 608,7
2003	37,5	5 575,1
2004	33,9	5 068,5
2005	31,6	4 763,6
2006	18,2	2 769,9
2007	12,7	1 955,4
2008	12,1	1 884,4
2009	8,2	1 311,8
2010	6,5	1 053,2
2011	5,5	904,2
2012	3,8	633,6
2013	2,9	490,4
2014	2,8	480,5
2015	2,7	470,2
2016	2,6	459,4
2017	2,6	465,9
2018	4,3	780,8

Таблица 6

Динамика численности населения Кыргызстана с потребительскими расходами ниже черты бедности в 1996–2018 гг. [14]

Год	Доля населения с потребительскими расходами ниже черты бедности, % от общей численности граждан	Численность населения с потребительскими расходами ниже черты бедности, % от общей численности граждан (примерная оценка на основе расчетов авторов)
1996	43,5	1 997,4
1997	43,0	2 002,3
1998	54,9	2 597,1
1999	55,3	2 656,1
2000	62,6	3 053,7
2001	56,4	2 776,2
2002	54,8	2 724,2
2003	49,9	2 499,4
2004	45,9	2 328,9
2005	43,1	2 213,7
2006	39,9	2 070,5
2007	35,0	1 837,2
2008	31,7	1 676,7
2009	31,7	1 695,4
2010	33,7	1 826,2
2011	36,8	2 015,8
2012	38,0	2 111,2
2013	37,0	2 094,2
2014	30,6	1 767,6
2015	32,1	1 892,3
2016	25,4	1 529,0
2017	25,6	1 571,9

лее 3 млн человек в абсолютном выражении). В 2001–2008 гг. этот показатель снизился вдвое, т. е. в 2008 г. — 31,7 % населения (примерно 1,7 млн человек за чертой бедности).

В 2009 г. в Кыргызской Республике наблюдался рост числа бедных (почти на 400 тыс. человек) до около 2,1 млн человек к 2012 г., а к 2017 г. этот показатель снизился примерно

Доля населения ниже уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС в 2005–2017 гг., % от общей численности граждан (на основе национальных методик расчета уровня бедности) [1; 9;11; 12; 14]

Год	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2005	40,1	12,7	31,6	43,1	17,8
2006	30,2	11,1	18,2	39,9	15,2
2007	26,4	7,7	12,7	35,0	13,3
2008	27,6	6,1	12,1	31,7	13,4
2009	34,1	5,4	8,2	31,7	13
2010	35,8	5,2	6,5	33,7	12,5
2011	35,0	7,3	5,5	36,8	12,7
2012	32,4	6,3	3,8	38,0	10,7
2013	32,0	5,5	2,9	37,0	10,8
2014	30,0	4,8	2,8	30,6	11,2
2015	29,8	5,1	2,7	32,1	13,3
2016	29,4	5,7	2,6	25,4	13,3
2017	25,7	5,9	2,6	25,6	13,2

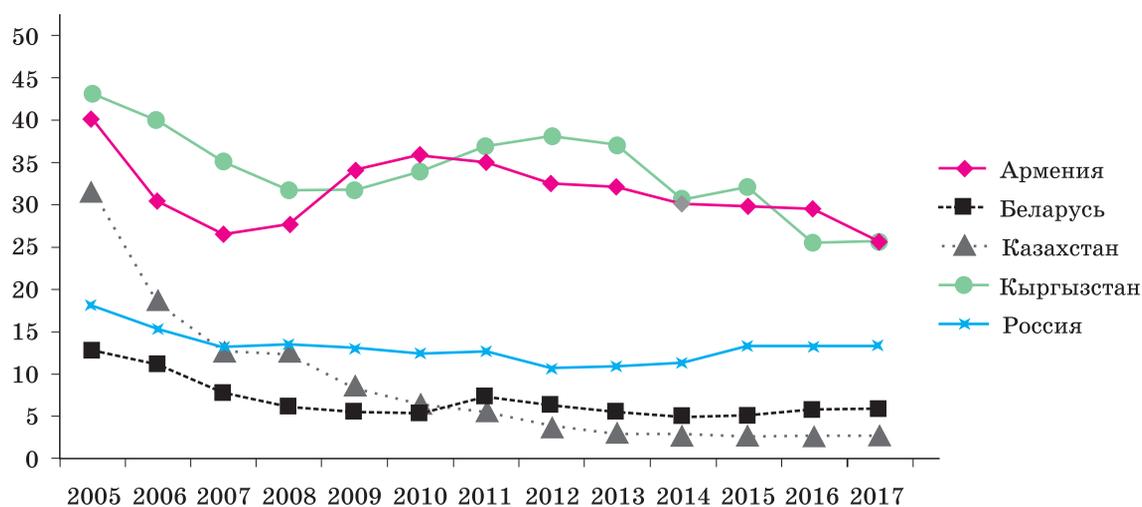

Рис. 1. Динамика доли населения ниже уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС в 2005–2017 гг., % от общей численности граждан [1; 9; 11; 12; 14]

до 1,6 млн человек (25,6 % населения). В таблице 7 и на рисунке 1 дана сравнительная динамика уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС.

Анализируя таблицу 7 и график, можно заключить, что во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние 12 лет. Однако динамика этого показателя носит разнонаправленный характер. В России и Белоруссии уровень бедности в 2014–2017 гг. увеличивался, а в Армении, Казахстане и Кыргызстане снижался. Такая разнонаправленная динамика связана, на наш взгляд, с более тесной экономической интеграцией России и Белоруссии в рамках Союзного государства, следствием которой является и более синхронная динамика социальных показателей экономического развития. Кроме того, в странах ЕАЭС используются разные методики расчета уровня бедности. В Белоруссии, Казахстане и России данный показатель формируется ввиду черты бедности как определенного уровня дохода. В Армении

и Кыргызстане черта бедности — это определенный уровень потребительских расходов. В перспективе представляется целесообразным унифицировать методику расчета уровня бедности в странах ЕАЭС с целью создания единого стандарта его расчета и выработки совместных комплексных мер по снижению уровня бедности внутри государств — членов союза.

Выводы и предложения

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, вследствие сопоставления динамики показателей дифференциации доходов и абсолютной бедности становится понятно, что в 2001–2007 гг. доходы более обеспеченных групп населения росли более высокими темпами в сравнении с малообеспеченными гражданами [1; 15–18]. Во-вторых, анализ показателя абсолютной бедности в ряде регионов отражает дифференциацию между регионами по доле граждан,

имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Разница между несколькими регионами составляет более шести раз. В 54 субъектах РФ уровень относительной бедности выше, чем в России в целом, т. е. более 13,2 %. В 31 субъекте РФ уровень абсолютной бедности ниже, чем в российском государстве в целом. В частности в Москве, Московской и Белгородской областях, Санкт-Петербурге, Татарстане и Ямало-Ненецком автономном округе этот показатель ниже общероссийского почти в полтора — два раза.

В-третьих, нередко в российских регионах, имеющих более низкий показатель абсолютной бедности, наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. Так, в первых десяти регионах с наиболее высоким уровнем абсолютной бедности, что подтверждает таблица 2, значение коэффициента Джини находится в диапазоне от 0,326 до 0,383, что ниже общероссийского показателя (0,410). В десяти регионах с самым низким уровнем абсолютной бедности, если обратить внимание на таблицу 2, коэффициент Джини — в интервале от 0,388

до 0,423, в том числе в Москве и Ямало-Ненецком автономном округе он составляет 0,417 и 0,423, что выше общероссийского показателя. В-четвертых, во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние двенадцать лет, но динамика этого показателя носит разнонаправленный характер. В России и Белоруссии уровень бедности в 2014–2017 гг. увеличился, а в Армении, Казахстане и Кыргызстане снизился. Такая разнонаправленная динамика, по нашему мнению, может быть связана с более тесной экономической интеграцией России и Белоруссии в рамках Союзного государства, следствием которой является и более синхронная динамика социальных показателей экономического развития. В-пятых, в государствах ЕАЭС применяются разные методики расчета уровня бедности. В перспективе представляется вполне обоснованным унифицировать методику расчета уровня бедности ЕАЭС, создать единый стандарт расчета данного показателя и выработать совместные комплексные меры по его снижению внутри стран — членов ЕАЭС.

Литература

1. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. К. Моделирование циклической динамики уровня бедности как социального показателя экономической безопасности России // Экономика и управление. 2018. № 11 (157). С. 4–18.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 22.05.2019).
3. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 авг. 2016 г. № 614. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 22.05.2019).
4. Рацион, питание и предупреждение хронических заболеваний: доклад Совместного консультативного совещания экспертов ВОЗ/ФАО. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2003. 196 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.05.2019).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. 2014. 29 мая. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 22.05.2019).
7. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Лапин А. В., Кобил Ш. К. Внешнеторговый оборот Российской Федерации со странами ЕАЭС: анализ первых результатов и тенденции правового администрирования // Экономика и управление. 2018. № 1 (147). С. 4–24. DOI: 10.33051/1998-1627-2018-1-4-24.
8. Quality Declaration Poverty Incidence [Электронный ресурс] // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/Qualitydec/eng/11.2.pdf> (дата обращения: 22.05.2019).
9. Статистический комитет Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/> (дата обращения: 22.05.2019).
10. Краткий глоссарий статистических терминов [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/11/> (дата обращения: 24.05.2019).
11. Уровень малообеспеченности населения по областям и г. Минску [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/uroven-zhizni-naseleniya/godovye-daniye/uroven-malobespechennosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/> (дата обращения: 24.05.2019).
12. Комитет по статистике [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 24.05.2019).
13. Методы анализа бедности для Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://stat.kg/ru/statistics/download/methodology/98/> (дата обращения: 24.05.2019).
14. Численность населения с потребительскими расходами ниже черты бедности [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/538/> (дата обращения: 25.05.2019).
15. Зоидов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции

- и нестабильности. Ч. I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3 (65). С. 114–128.
16. Зойдов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Ч. II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 4 (66). С. 82–94.
  17. Цветков В. А., Янкаускас К. С. Человеческий капитал и связанные с его развитием возможности и риски для модернизации и экономической безопасности России // Модернизация и экономическая безопасность России / под ред. Н. Я. Петракова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 3. С. 538–562.
  18. Цветков В. А., Степнов И. М., Ковальчук Ю. А., Зойдов К. Х. Динамика развития экономических систем. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 380 с.

References

1. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S., Kobil Sh. K. Modelirovanie tsiklicheskoj dinamiki urovnya bednosti kak sotsial'nogo pokazatelya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Modeling the cyclic behavior of poverty rate as a social indicator of economic security in Russia]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 11 (157), pp. 4–18.
2. *On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204*. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>. Accessed 22.05.2019 (in Russ.).
3. *On approval of Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements of a healthy diet. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 19, 2016 No. 614*. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/>. Accessed 22.05.2019 (in Russ.).
4. *Diet, nutrition and the prevention of chronic diseases: Report of a joint WHO/FAO expert consultation*. Geneva: World Health Organization, 2003. 160 p. (*WHO Technical Report Series. No. 916*). Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42665/WHO_TRS_916.pdf?sequence=1. (Russ. ed.: *Ratsion, pitanie i preduprezhdenie khronicheskikh zabolevaniy: doklad Sovmestnogo konsul'tativnogo soveshchaniya ekspertov VOZ/FAO*. Geneva: World Health Organization, 2003. 196 p.).
5. *Official website of the Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
6. *Treaty on the Eurasian Economic Union*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 29 May, 2014. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
7. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Lapin A. V., Kobil Sh. K. Vneshnetorgovyy oborot Rossiyskoy Federatsii so stranami EAES: analiz pervykh rezul'tatov i tendentsii pravovogo administrirovaniya [Foreign trade turnover between Russian Federation and EEU countries: Analysis of the first results and trends in regulatory management]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 1 (147), pp. 4–24. DOI: 10.33051/1998-1627-2018-1-4-24.
8. *Quality declaration poverty incidence*. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Available at: <https://www.armstat.am/file/Qualitydec/eng/11.2.pdf>. Accessed 22.05.2019.
9. *Statistical Committee of the Republic of Armenia*. Available at: <https://www.armstat.am/ru/>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
10. *Brief glossary of statistical terms*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/11/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
11. *The level of poverty of the population by regions and the city of Minsk*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/uroven-zhizni-naseleniya/godovye-dannye/uroven-maloobespechennosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
12. *Statistics Committee*. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Available at: <http://stat.gov.kz/>. Accessed 24.05.2019.
13. *Poverty analysis methods for the Kyrgyz Republic*. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available at: <http://stat.kg/ru/statistics/download/methodology/98/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
14. *Population below consumer poverty line*. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available at: <http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/538/>. Accessed 24.05.2019.
15. Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S. Formirovanie effektivnoy modeli regulirovaniya finansovobyudzhethnykh otnosheniy mezhdru federal'nym i regional'nymi urovnyami v usloviyakh integratsii i nestabil'nosti. Ch. I [Forming an effective model for regulating financial and budgetary relations between the federal and regional levels in the context of integration and instability. Pt. 1]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2016, no. 3 (65), pp.114–128.
16. Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S. Formirovanie effektivnoy modeli regulirovaniya finansovobyudzhethnykh otnosheniy mezhdru federal'nym i regional'nymi urovnyami v usloviyakh integratsii i nestabil'nosti. Ch. I [Forming an effective model for regulating financial and budgetary relations between the federal and regional levels in the context of integration and instability. Pt. 2]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2016, no. 4 (66), pp. 82–94.
17. Tsvetkov V. A., Yankauskas K. S. Chelovecheskiy kapital i svyazannye s ego razvitiem vozmozhnosti i riski dlya modernizatsii i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Human capital and the opportunities and risks associated with its development for the modernization and economic security of Russia]. In: Petrakov N. Ya., ed. *Modernizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Modernization and economic security of Russia]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012, vol. 3, pp. 538–562.
18. Tsvetkov V. A., Stepnov I. M., Koval'chuk Yu. A., Zoidov K. Kh. *Dinamika razvitiya ekonomicheskikh sistem* [The dynamics of economic systems development]. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute RAS/Market Economy Institute RAS, 2016. 380 p.